

УДК 947 (470.22)

ПРИХОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КАРЕЛЬСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

М. В. Пулькин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена проблеме внедрения в архаические сюжеты карельских эпических песен нового для карельской деревни явления – элементов христианского вероучения. Основные проблемы православного обихода, включенные в сюжеты карельских рун, связаны с приходской повседневностью: взаимоотношениями с «попами», осуществлением церковных таинств крещения и брака, строительством церквей и изготовлением предметов христианского культа.

Ключевые слова: приход, духовенство, церковь, эпические песни, карелы, повседневность, крестьяне, старообрядчество, крещение, венчание, крест, клир, пост, божество.

M. V. Pulkin. DAILY PAROCHIAL LIFE, AND KARELIAN EPIC SONGS

The paper deals with the issue of introduction of elements of the Christian religious doctrine – a phenomenon new for the Karelian village, into the archaic plots of Karelian epic songs. Most Orthodox parish problems integrated into the plots of Karelian epic songs have to do with daily parish life: contacts with priests, administration of the sacraments of baptism and wedding, building of churches, and manufacturing of Christian church goods.

Key words: parish, priesthood, Church, epic songs, Karelians, daily life, peasants, Old Belief, baptism, wedding, cross, clerics, fast, deity.

Тексты карельских эпических песен формировались «в период активного внедрения земледельческой культуры и железной техники в архаический быт оседлых рыболовов, на фоне начинающегося разложения родового строя, перехода от родовой общины к соседской, на фоне этнической консолидации» [Мелетинский, 2004. С. 101]. Однако древние сюжеты не установились раз и навсегда. Они дополнялись историческими реалиями, которые «можно проследить в отдельных, казалось бы, малозначительных деталях и мотивах» [Евсеев, 1986. С. 37]. В частности, сюжеты эпических песен постепенно обогащались новыми христианизи-

рованными вкраплениями, которые оказались немногочисленными в силу слабой развитости приходской системы и ощутимого влияния языкового барьера между белым духовенством и прихожанами.

Эта общая для Архангельской и Олонецкой губерний закономерность особенно отчетливо проявилась в Северной Карелии. Существующая здесь «форма организации религиозной жизни привела к полному устранению священно- и церковнослужителей из повседневной жизни крестьян, сохранению устойчивых языческих верований и в дальнейшем распространению влияния старообрядчества» [Пулькин,

2000. С. 26]. Многие крестьяне-карелы не могли посещать храм из-за огромных расстояний, разделяющих церкви и приходские селения. Клир был вынужден путешествовать по приходу, совершая, иногда со значительным опозданием, церковные обряды. Все эти коллизии религиозной жизни прямо и косвенно влияли на сюжеты эпических песен.

Сюжеты карельских рун, в той или иной степени связанные с приходской действительностью, до настоящего времени не стали предметом внимания специалистов. Между тем это ценный источник по истории народного религиозного сознания. Он позволяет исследовать своеобразные черты восприятия наименее воцерковленной частью паствы Олонецкой и Архангельской епархий взаимоотношений между духовенством и прихожанами в материальных и духовных вопросах повседневной религиозной жизни. *Задачей данной статьи является изучение причин, обстоятельств и масштабов внедрения православных (приходских) элементов в сюжеты карельских эпических песен.*

В целом можно сказать, что эпические песни исполнялись верующими, религиозные представления которых отличались своеобразием и содержали ярко выраженные мифологические черты, тесно переплетенные с христианскими сюжетами. При этом трансцендентный мотив нередко являлся доминирующим как в эмоциональном, так и в смысловом аспектах. Например, в карельских эпических песнях представлен неожиданный вариант богоявления:

Иисус сам в церковь едет
На коне, подобном лосю,
Черном, точно рыба лосось,
И по масти, словно щука.
[КФНЭ, 1994. С. 227]

Вера во всемогущество Бога присутствует в эпических песнях самым явным образом. Так, мать погибшей от случайного выстрела девушки надеется на помощь сверхъестественных сил, способных вернуть к жизни умерших:

Помолюсь Творцу смиренно,
Отслужу я Богу службу,
Может, оживит он дочку!
[КФНЭ, 1994. С. 111]

Отдельный сюжет эпических песен связан с настоящим восстанием язычников, «артелью Пагана», намеревающихся расправиться с Луё (христианский создатель, творец). Спасаясь от преследований, он вынужден тщательно замаскировать свое присутствие в мире. Так, местный «поп» обманывает взбунтовавшихся язычников, заявляя, что не знает бога, а ныне даже

само существование церкви якобы вызывает у него сомнения:

На пути у Луё – церковь.
И *попу* велит сказать он:
«Не было здесь этой церкви,
Поп сюда был не назначен,
Здесь теперь на стенах плесень,
Мох на бороде попа!»

[КФНЭ, 1994. С. 328]

Некоторые важные элементы приходской повседневности остались для местного населения малопонятными, что немедленно отразилось в эпических песнях. В частности, речь идет о соблюдении постов. Их происхождение связывалось с типичной для неплодородного Севера ситуацией – страшным голодом. В давние времена «мороз и холод» привели к неслыханной дороговизне хлеба и даже к каннибализму. В память об этих ужасных событиях якобы и появились христианские посты:

Стали два денька в неделю
С той поры всегда поститься.
[КФНЭ, 1994. С. 416]

Присутствие духовенства четко маркирует окультуренное пространство или даже «этот» мир. Так, жители страны туманов, нередко отождествляемой с потусторонним миром Похьелы, названы «язычниками», а оказавшийся в ней Вяйнямёйнен со слезами описывает свою печальную участь:

«Как я угодил, бедняга,
На чужие эти земли,
В местность, где попов не видно!»
[КФНЭ, 1994. С. 142]

Отсутствие приходского духовенства является наиболее зримым доказательством дикости, нецивилизованности или даже потусторонности края, в котором оказывается герой эпической песни. Судьба человека, пребывающего в таком краю, вызывает опасения:

Пошла она в чужие страны,
Попала туда, где нет попов.
[КФНЭ, 1994. С. 171]

Мифический кузнец, «вековечный кователь» Ильмоллини, работает в кузнице, «где поп не ходит, где и окон-то совсем нет». Признаками запредельности его мастерской обусловлена коллизия: поддавшись обману, персонаж эпических песен убивает всех своих родственников и остается совершенно один [КФНЭ, 1994. С. 399]. В другой эпической песне страна, где отсутствуют попы, наделяется и другими запредельными чертами:

Ехали, приехали, где погосты без попов,
Где домики без окон.

[КЭП, 1950. С. 376]

Природный мир, стихии также противоположны упорядоченному церковному мироустройству. Поэтому возведение церкви представляется сказителям как процесс, в котором присутствие несакрализованной природной стихии недопустимо. Примечательно, что подобное трепетное восприятие материала, из которого возводили храм, характерно и для христианской культуры. Так происходило сближение двух мировоззрений, связанных с разными эпохами. По сути дела, изобразительные средства, присущие мифологии, в данном случае поставлены на службу христианству:

Дерево заговорило,
Дуб им начал говорить:
«Из меня же ведь не будет
Для порога церкви проку
И для алтаря святого.
Волк моих корней касался,
Проходил медведь ведь рядом»...
[КФНЭ, 1994. С. 171]

Приходская церковь становится наиболее зримым и важным символом родного края. Именно по ней в первую очередь тоскует странник:

Плакал также Лемминкяйни,
Видя остров уходящий
И макушку местной церкви...
[КФНЭ, 1994. С. 261]

В мире персонажей эпических песен христианские знаки-символы оказываются залогом стабильности, верности слову, неизменности судьбы:

Обещал быть вечно вместе,
Вечные давал он клятвы
Ей пред иконой медной.
[КФНЭ, 1994. С. 315]

Иногда христианские символы становятся желанной наградой за добрые вести:

Если скажешь хорошие вести –
Крестик скую на грудь тебе...
[КЭП, 1950. С. 353]

Из всего сказанного ясно, что образ «попов» не может не наделяться положительными чертами. Вопрос состоит лишь в причинах возникновения и сохранения этих черт. При анализе карельских эпических песен необходимо помнить о ряде существенных обстоятельств, накладывающих отпечаток на образ «попа». *Во-первых*, образ священника формировался в народном сознании как обобщенный образ высокостатусной личности, возможно замещающей собой иной, дохристианский, древний и постепенно исчезающий из памяти людей XIX столетия образ, являющийся его прямым предшест-

венником. В качестве такового может рассматриваться предок-родоначальник или глава патриархальной семьи, мнение которого в матримонимальных вопросах имело особую значимость. Неспроста эпические песни абсолютно не замечают реально существовавшую проблему языкового барьера между прихожанами и духовенством. Слово «попа» понятно каждому и вызывает отклик в сердцах:

Девушку ту все хвалили,
На земле все прославляли.
Поп хвалил ее в приходе,
Род земной любил девицу.
[КФНЭ, 1994. С. 21]

Своеобразным обозначением статуса духовенства становятся слова «страшного дракона», на съедение которому отдана прекрасная девушка. Вместо нее чудовище предполагает сожрать «попа», пронизательно приравненного им к королю или пяти парням:

Рассудил дракон тот мудро:
«Нет, я не проглочу девицу <...>
Пять парней я съем здесь лучше
И попа с поповским причтом,
Короля я в шлеме съем здесь...»
[КФНЭ, 1994. С. 381]

Языческие пиры и происходящие на них конфликты являются излюбленным сюжетом эпических песен. Ведь в древности пир являлся местом обретения личностью нового статуса или поддержания существующего положения, создания новых общностей или укрепления имеющихся. В конечном итоге за пиршественным столом формируются и поддерживаются социальные связи архаического общества. В сюжетах эпических песен пир обретает новые, но все же узнаваемые черты, если он происходит в доме «попа», который и здесь наделяется высоким статусом.

А на пир в поповом доме
Ехали верхом хромые,
А слепые же – на лодках.
[КФНЭ, 1994. С. 252]

Примечательно, что пиршеству в жилище «попа» в эпических песнях приписываются христианизированные черты. Оно открыто для всех. В других сюжетах, связанных с пирами, эти черты еще более заметны. В пиршестве участвуют только крещеные гости, что является своего рода гарантией безопасности происходящего:

Еду я на пир в Пяйвёлу,
Пиво пить в кругу хорошем,
Где крещеные все гости!
[КФНЭ, 1994. С. 266]

Во-вторых, в основном ареале бытования карельских эпических песен контакты духовенства и прихожан оставались редким явлением, что накладывало ощутимый отпечаток на фольклорные тексты. Путь к местной церкви и в реальности, судя по документам консистории, зачастую превращался в полное трудов и опасностей путешествие. Эпические песни придают бытовой проблеме грандиозный размах. Здесь речь идет не только о преодолении пространства, но и о попутной утрате персонажем определенных свойств, характерных черт языческой эпохи, когда песня-заклинание имела сакральный смысл и мощную магическую силу:

Каменист был путь до церкви,
У певца разбились сани,
Певчий полз в них сломался.
[КФНЭ, 1994. С. 116]

В-третьих, священник являлся по сути дела единственным проводником русского культурного влияния в тех местностях, где сохранялись карельские эпические песни. С этим существенным обстоятельством связан как интерес к его личности, так и настороженное отношение к «попу». В то же время стереотипное представление об отсутствии в фольклоре положительного образа представителя белого духовенства не находит подтверждения в изучаемом источнике. Чужак, человек со стороны и представитель иной культуры, становился желанным гостем в домах местных крестьян. Более того, доказательством необычайной красоты девушки становится факт сватовства к ней, помимо других почтенных женихов, также и местных «попов» и даже совсем невероятная подробность: сватовство епископа:

Свататься попы ходили,
Господа шли из дворца к ней,
В пуговицах немцы Нарвы...
[КФНЭ, 1994. С. 23]

Сватался к ней парень шведский,
Сватался к ней и епископ.
[КФНЭ, 1994. С. 338]

Происхождение из «поповского» рода – предмет гордости. Стремясь произвести впечатление на парня, девушка обманывает его, называясь дочерью «попа»:

«Из поповского я рода,
Из господского сословья!»
[КФНЭ, 1994. С. 308]

Обман раскрывается слишком поздно. Выясняется, что новые подробности вплетены в древний сюжет об инцесте и неизбежной каре за него: девушка оказывается родной сестрой юноши. Но не только трагедии отдельной лич-

ности, но и трагические перемены в жизни государств маркированы образом «попов». Так, штурм и падение вражеской крепости под натиском русских войск рисуется как позор местных «попов», вынужденных поспешно спасаться бегством, а падение «поповских» домов символизирует поражение вражеских войск:

Пали крепостные стрехи,
И дома попов упали.
Без рубахи поп тут в бегство,
Без подштанников пустился.
[КФНЭ, 1994. С. 422]

Итак, существенное внимание в карельских эпических песнях уделено статусу приходского духовенства. «Попы» изображены в них не только как особая профессиональная группа населения, но и как представители обширного и таинственного православного мира, наделенные особыми полномочиями и предъявляющие к населению свои собственные строгие требования, связанные с образом жизни и необходимостью регулярного совершения христианских обрядов. Исследование сюжетов здесь не таит неожиданностей. Особое значение карелы придавали обрядовой стороне религиозной жизни, и эпические песни прямо указывают на это обстоятельство. Судя по этим произведениям, значительную роль играло погребение. Один из героев эпических песен, Лаппалайнен, описывая свою печальную судьбу, подчеркивает существенные трагические обстоятельства близкой внезапной гибели, когда христианским обрядам не будет отведено должного места:

«Умереть могу, бедняга,
И без ладана погибнуть...»
[КФНЭ, 1994. С. 108]

Другие церковные обряды расцениваются как не менее важные и желательные. Но и здесь карельские песни, как и другие источники, отмечают специфические черты. В реальности крещения в карельских деревнях нередко совершали «бабки», которые давали младенцу имя и выполняли упрощенный, примитивный обряд [Сурхаско, 1985. С. 42]. Эпические песни излагают проблему в присущем им стиле. Иногда в этих рунах присутствует мысль о диком, первобытном состоянии людей, лишенных крещения, что отражает серьезное отношение к таинству, характерное для ряда местностей Карелии:

Не было попов в то время,
Люди без имен ходили.
[КФНЭ, 1994. С. 407]

В эпических песнях встречаются упоминания о попытках местных жителей самостоятель-

но решить проблему. Так, специально приглашенный издали старик, а не священник, крестит «мальчонку», которому родственники выбирают языческое имя, что и становится предметом длительных споров между ними. Примечательно, что все спорящие предлагают традиционные карельские, а не христианские имена. По мифологическим представлениям, в определенной степени сохраняющимся и в сознании современных людей, имя определяет судьбу человека. В данном случае участь новорожденного заранее явно не связывалась с миром христианских ценностей:

Шел старик крестить мальчонку <...>,
Дали имя Ёвкамойне,
Не годилось это имя,
Дали имя – Кавкамойне,
Это имя пригодилося.
[КФНЭ, 1994. С. 99–100]

Но и в том случае, если приходской священник становится участником обряда крещения, его появление не лишает происходящее ярко выраженных мифологических элементов. Скорее наоборот, «поп» в данном случае сближается с божеством судьбы, предсказывающим новорожденному его главное предназначение в жизни:

Поп пришел крестить сыночка <...>,
И крещен был тот ребенок
Королем лесной Меччелы,
Остров денежный хранить там.
[КФНЭ, 1994. С. 99–100]

Аналогичные сюжеты связаны с судьбами других людей, но и они повествуют о предопределении судьбы человека в момент крещения:

Мальчика тогда крестили,
Похьелы царем назвали.
[Ладвозерские рунопевцы..., 2008. С. 60]

В то же время конфликтные ситуации между «попами» и населением Карелии в большинстве случаев носят латентный характер и связаны преимущественно с отсутствием средств на оплату церковных треб, а не с принципиальными разногласиями. Так, вневременная коллизия связана с походом матери к священнику:

Шла к попу за именами,
Но вернулась – гроши жалко.
[КФНЭ, 1994. С. 170]

В другом варианте эпических песен встречается и такой сюжет, в котором дети сами нарекают себе имена, избавляя свою мать от затрат, связанных с обращением к «попу» [КЭП, 1950. С. 283].

Решение непростого материального вопроса подсказывала жизнь. В научных трудах такой

подход называется «стихийной беспоповской практикой» – крещением младенцев мирянами без последующего миропомазания. Эта норма поведения была распространенным явлением и расценивалась как недопустимое отклонение только самим духовенством. Для местных жителей такое поведение казалось обыденным. Возможно и иное объяснение. Архаическое сознание с трудом воспринимало понятие услуги, носящей, как известно, невещный характер, т. е. не связанной с более понятным местным жителям натуральным обменом. В то же время монеты, необходимые для выплаты налогов, оказывались в руках крестьян крайне редко. Трата скромных финансов крестьянской семьи на малопонятное церковное таинство, без которого прекрасно обходились многие поколения предков, казалась очень странным делом. Эпические песни излагают сложную проблему на присущем им языке:

Родила я трех сыночков.
Надо бы попу позвать, чтобы имена им дать.
Но гроши не буду тратить –
Я сама их назову!

[КФНЭ, 1994. С. 175]

Осуществление иных таинств прослеживается в эпических песнях значительно слабее. Так, традиционный для мифов разных народов и стран сюжет о похищении женщины дополняется новыми христианизированными элементами. В данном случае мы имеем дело не только с характерным мифологическим сюжетом, но и с частью приходской реальности, которая в документах консистории названа «невольным обвенчанием»:

Обручив, вели насильно,
Под венец вели насильно,
Кольца обменяв насильно,
Повели в избу насильно.
[КФНЭ, 1994. С. 369]

Сюжеты, связанные с конфликтами «попов» и прихожан, обусловлены поведением отдельных представителей сословия, которые пытались использовать свой особый статус для личных эгоистических целей. В уста карельской девушки вложено повествование о домогательстве со стороны «попа»:

В праздник я ходила в церковь, <...>
Там дородный отпрыск Рийко
Был, красивый поп Калевы,
Проповедь читал, в сапожках,
Меч на поясе привесив,
Проповедь свою закончив,
Требовал меня к себе он,
Предлагал стать потаскухой.

[КФНЭ, 1994. С. 334]

Негативные переживания персонажей эпических песен далеко не всегда связаны с духовенством. Иногда это малопонятные местным жителям нормы поведения, вторгающиеся в устоявшийся уклад жизни, привнося в него новые, неслыханные прежде черты:

Мать ту церковь не любила,
Нищих – у ограды.
[КФНЭ, 1994. С. 199]

Подводя итоги, отметим, что в карельских эпических песнях предпринята попытка осмысления нового для карельской деревни явления: церковного влияния, становящегося все более заметным, использующего государственную поддержку и пытающегося заметно изменить освященный веками строй жизни местного населения. Известно, что «определяющую роль для фольклорного творчества играют элементы этнографической действительности» [Путилов, 1994. С. 117]. Возникновение и развитие христианских элементов в карельских эпических песнях подчиняется общей закономерности. Объективно христианские сюжетные линии в эпических песнях способствовали ускоренной интеграции православных ценностей в мировоззрение карельских крестьян. Во всяком случае, враждебность новизне прослеживается слабо. Очевидно иное: включая в традиционные

сюжеты реалии приходской жизни, рунопевцы адаптируют их к меняющимся историческим условиям, при которых христианское вероучение стало одним из важных компонентов мировоззрения карельских крестьян, не утратившего связей с дохристианскими представлениями.

Литература

Евсеев В. Я. К вопросу об историзме карело-финских рун // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 37–42.

Карело-финский народный эпос. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Вост. лит-ра РАН, 1994. 510 с. (В тексте – КФНЭ.)

Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с. (В тексте – КЭП.)

Ладвозерские рунопевцы. Руны, записанные от Архиппа и Мийхкали Перттуненов / Пер. Э. Киури и А. Мишин. Петрозаводск: Карелия, 2008. 176 с.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит-ра РАН, 2004. 462 с.

Пулькин М. В. «Карельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2000. С. 26–36.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 236 с.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 170 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пулькин Максим Викторович

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: vmp@sampo.ru
тел.: (8142) 530305

Pul'kin, Maksim

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: vmp@sampo.ru
tel.: (8142) 530305